

Однако анализ данных является лишь одним из инструментов и методов исследования. Включение методов анализа больших данных в литературоведческую науку не означает отказ от традиционных исследовательских методов для изучения теоретической глубины и эстетической ценности литературы. Выводы, сделанные с помощью технологии данных, могут дополнить человеческое восприятие или дать подсказки для дальнейших исследований, но они также требуют академической проницательности и начитанности. Изучение академической истории не может опираться только на накопление данных и сравнение, оно должно включать в себя исследование и поиск идеологических смыслов, оставленных академической классикой будущим поколениям. Только объединив поиск гуманистического смысла литературы с новыми идеями и методами, вызванными изменениями в технологии передачи данных, литературоведение может адаптироваться к изменениям времени, сохраняя при этом свои традиции и особенности.

Инструменты и методы, рассмотренные в данной статье, применимы к анализу жизни и творчества других писателей, а также литературоведческих исследований на других языках. Существует еще много возможностей для анализа данных, которые можно применить для изучения литературы.

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-3-145-151

© А. В. Романова

«ЛИТЕРАТОР МАЙКОВ» (ИЗ КОММЕНТАРИЯ К ПИСЬМАМ И. А. ГОНЧАРОВА 1858–1859 ГОДОВ)

Среди эпистолярного наследия И. А. Гончарова 1858–1859 годов сохранилось несколько писем, адресованных А. Н. Майкову или содержащих упоминания о нем.

В первом из них — А. В. Дружинину 22 июля 1858 года — в конце, на полях, вписано: «Завтра уезжают Майков и Льховский в вояж».¹

Этот «вояж» Майкова был частью той «литературной экспедиции», которая была задумана управляющим флотом и морским ведомством на правах министра вел. кн. Константином Николаевичем и осуществлена в 1855–1861 годах при содействии его секретаря А. В. Головина.² 11 августа 1855 года великий князь отдал приказ директору Комиссариатского департамента морского министерства кн. Д. А. Оболенскому: «Прошу Вас поискать между молодыми даровитыми литераторами (напр. Писемский,

¹ Письма к А. В. Дружинину. М., 1948. С. 79. На самом деле корабль Льховского — корвет «Рында» — ушел из Кронштадта 24 июля, а корабль Майкова — корвет «Баян» — только 5 августа (см. об этом далее). Одновременно с Майковым, на корабле «Ретвизан», уходил Д. В. Григорович, но в предшествующем тексте письма говорится о его безобразном поступке, поэтому, видимо, Гончаров не упомянул его, тем более что о Григоровиче знали все: Новый поэт (И. И. Панаев) оповестил публику, что «вместе с эскадрами, которые, по распоряжению морского министерства, посылаются нынешнее лето в Средиземное море в Архипелаг, отправляются два наши известные писателя гг. *Майков* (А. Н.) и *Григорович*» (Современник. 1858. № 6. С. 226).

² Шевырев А. П. Во главе «константиновцев»: Великий Князь и А. В. Головин // Александр Второй: трагедия реформатора. СПб., 2012. С. 51–69. Этнографический аспект акцентирован в работе: Вдовин А. В. Русская этнография 1850-х годов и этос цивилизаторской миссии: случай «литературной экспедиции» морского министерства // *Ab imperio*. 2014. № 1. С. 91–126. В частности, автор отмечает: «Речь идет о разделяемом бюрократами, учеными, писателями и интеллектуалами убеждении, что модернизация империи напрямую зависит от тщательно собираемого знания обо всех сторонах жизни населения во всем его статистическом, географическом, этническом, сословном и религиозном разнообразии» (Там же. С. 92). Вдовин называет Майкова первым из известных литераторов, затронувших тему цивилизаторской миссии России (в 1854 году; см.: Там же. С. 109).

Потехин и т. под.) лиц, которых мы могли бы командировать на время в Архангельск, Астрахань, Оренбург, на Волгу и главные озера наши для исследования быта жителей, занимающихся морским делом и рыболовством, и составления статей в „Морской сборник“, не определяя этих лиц к нам на службу». ³ В циркуляре об экспедиции было сформулировано несколько целей — этнографическая (описание быта и нравов населения разных областей), практическая (чтобы можно было в дальнейшем осуществлять набор матросов из мужчин, с детства обученных морскому делу на берегах морей и рек) и литературная (включая в текст желательные для великого князя сведения, составлять очерки «в духе прекрасных статей г. Гончарова»). ⁴

В первой группе литераторов были М. Л. Михайлов, А. Ф. Писемский, А. С. Афанасьев-Чужбинский, А. А. Потехин, А. М. Михайлов, С. В. Максимов, Н. Н. Филиппов, А. Н. Островский, Л. А. Мей, Г. П. Данилевский. Все они (кроме заболевшего Мея, который вернул выплаченные ему деньги на поездку) выполнили возложенные на них обязанности.

Общеизвестен тот факт, что от первой возможности совершить морское путешествие Майков в 1852 году отказался по семейным обстоятельствам, что дало возможность поехать Гончарову. ⁵ Как оказалось, поэту было сделано еще одно предложение: в 1855 году он мог быть командирован на Дон и берега Азовского моря. ⁶ Но Майков снова не поехал. Великий князь Константин Николаевич лично просил о нем министра народного просвещения А. С. Норова (Майков в тот момент служил младшим цензором Комитета цензуры иностранной). ⁷ Норов объяснил, что на восемь месяцев предполагаемой отлучки Майкова для чтения его доли от очень большого количества поступающих в Комитет иностранных книг придется взять другого чиновника и жалованье временно отсутствующего сотрудника выплачивать ему, поэтому встал вопрос — нельзя ли перевести Майкова в это время на службу в морское министерство. ⁸ В результате поездка была отменена. Поэт писал М. П. Заблоцкому-Десятовскому в конце 1855 — начале 1856 года: «Ох, как бы я теперь желал хоть на год отделаться от Петербурга и пошляться по России, чтобы и для себя начать новую жизнь, и попробовать — может быть, к чему-нибудь послужит опыт литературный — решить для меня самого вопрос, не решаемый другими, — есть ли у меня какой талант или нет. Такой случай представлялся мне. В<еликий> к<нязь> Константин Николаевич вызывал охотников из литераторов ехать в разные концы России для осмотра прибрежий и описания их в „Морской сборник“. Я просил, но мое министерство не пустило, а поездка была бы для меня новой эпохой жизни». ⁹

Однако Майкову словно бы на роду было написано — ехать. В 1858 году договоренность об этом была достигнута. Ему, как и двум другим литераторам, давшим согласие весной 1858 года, было предоставлено особенное право «пользоваться сочинениями, имеющимися в Библиотеке Гидрографического департамента, на том же основании, как это разрешено офицерам Морского ведомства». ¹⁰

Настроение Майкова весной и летом 1858 года часто менялось. Е. А. Штакеншнейдер записала в дневнике: «...21 апреля. <...> Майков и весел и грустен, ему и хочется, и не хочется уезжать. Он ведь в числе других писателей — Григоровича, кажется, Львовского (Льховского. — А. Р.) и не помню еще кого — посылается в<еликим> к<нязем> Константином Николаевичем в экспедицию. Целая компания литераторов ездил уже в прошлом году по России, теперь он посылает их дальше. Майков должен

³ РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 1069. Л. 1. Опубл.: Максимов С. В. Литературная экспедиция // Русская мысль. 1890. Кн. II. С. 19.

⁴ РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 1069. Л. 7 об. — 8.

⁵ Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. СПб., 2000. Т. 3. С. 399–400.

⁶ РГА ВМФ. Д. 410. Оп. 2. Д. 1069. Л. 44.

⁷ Там же. Л. 44–44 об.

⁸ Там же. Л. 44.

⁹ См.: Майков А. Н. Письма / Публ. И. Г. Ямпольского // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1975 год. Л., 1977. С. 84.

¹⁰ Там же. Л. 20.

ехать в Грецию; Григорович в Тихий океан». ¹¹ 26 мая она вновь отметила: «Аполлон Николаевич нет-нет да и вспомнит предстоящее ему путешествие, и задумается; кажется, он охотно отказался бы от него, если бы нашелся благовидный предлог». ¹²

Майков должен был путешествовать на винтовом корвете «Баян» ¹³ под командованием капитана 2-го ранга П. И. Истомина, ¹⁴ в составе эскадры, отправленной по приказу великого князя вокруг Европы в Средиземное море. ¹⁵ Об этом эпизоде его биографии исследователи всегда упоминают кратко, сосредотачиваясь на стихотворениях, которые поэт тогда сочинил («Неаполитанский альбом» и др.), и на поэме «Сны».

Первый биограф Майкова Д. Д. Языков описал этот эпизод так, не имея, по-видимому, точных сведений: «...вторичная поездка нашего поэта за границу: в августе 1858 года, по поручению великого князя Константина Николаевича, он отправился на корвете „Баян“ в Грецию и Архипелаг, оттуда в Рагузу, Ниццу, Неаполь и Палермо, осенью же следующего года вернулся из этой командировки...» — и далее перечислил написанные поэтом в поездке произведения. ¹⁶ Даже в словаре «Русские писатели» поездке, хотя и с более корректными данными, уделен минимум внимания. ¹⁷

Наиболее подробно — почти на целой странице — подготовку Майкова к путешествию и переживания в период плавания описала Н. В. Володина: поэт радовался возможности исполнить мечту — посетить Грецию (Архипелаг был его главной целью)

¹¹ *Штакеншнейдер Е. А.* Дневник и записки (1854–1886). М.; Л., 1934. С. 202–203. Она перепутала — к берегам Восточной Сибири отправлялся Львовский.

¹² Там же. С. 212–213.

¹³ Парусно-винтовой корвет «Баян» был построен в 1856–1857 годах в Бордо, спущен на воду 11 июля 1857 года. 28 октября 1857-го прибыл в Кронштадт на достройку (*Веселаго Ф. Ф.* Список русских военных судов с 1668 по 1860 год. СПб., 1872. С. 126–127).

¹⁴ Павел Иванович Истомин (1817–1881) происходил из рода военных моряков; начал службу в 1826 году (поступив в Морской корпус кадетом), получал очередные звания, ходя по Балтийскому морю на разных судах. В 1853-м, командуя корветом «Наварин», вышел из Кронштадта для крейсерских плаваний в Охотском море, но из-за повреждения судна во время штормов был вынужден встать на ремонт; в итоге корвет был продан в силу «неблагонадежности к дальнейшему плаванию»; в 1854 году за «неосновательное удостоверение в благонадежности» корвета «Наварин» Истомину был объявлен строжайший выговор с внесением в формуляр; в 1854–1855 годах в ходе Крымской войны участвовал в военных действиях против английских кораблей в Балтийском море, был награжден золотой саблей с надписью «за храбрость»; в 1858–1859-м в звании капитана 2-го ранга командовал винтовым корветом «Баян»; в 1859-м в Палермо оказал помощь неаполитанским судам во время бури (за что потом был награжден неаполитанским военным орденом, а члены команды — российскими орденами, медалями и денежными подарками); кавалер русских и иностранных орденов; в 1874 году был произведен в вице-адмиралы с увольнением от службы (см.: *Общий морской список.* СПб., 2003. Ч. 14. Царствование Александра II. Д–И. С. 229–230). Эти краткие сведения можно дополнить тем, что, возвращаясь из Италии, «Баян» пришел на рейд Сандауна, где его посетили великий князь и адмирал Е. В. Путятин, причем великий князь остался недоволен корветом, так как счел его ужасно грязным. По возвращении же в Кронштадт корвет по заданию великого князя был осмотрен вице-адмиралом фон-Шанцем, было произведено парусное учение, спуск и подъем гребных судов, подъем и спуск гребного винта «весьма хорошо» (*Обзор заграничных плаваний русского военного флота с 1850 по 1868 год.* СПб., 1871. Т. 2. С. 595). Из этого краткого перечисления заслуг и упущений Истомина можно заключить, что он был безусловно храбр, но не идеален.

¹⁵ «Баян» наряду с «Громобоем» (флагман эскадры), «Ретвизаном», «Рюриком» и «Медведем» был зачислен в эскадру Средиземного моря контр-адмирала К. И. Истомина. Первоначально планировалось, что он должен был нести службу стационара в Афинах (т. е. постоянно находиться на стоянке в иностранном порту с целью охраны или наблюдения за порядком). Но 17 ноября 1858 года «Баян» был включен в состав эскадры под командованием великого князя Константина Николаевича (вместе с «Громобоем» (флагман эскадры), «Ретвизаном», «Палканом» и «Рюриком»), 5 декабря перешел в Тулон, 13 декабря в Виллафранк, 22 декабря в Палермо, с 7 по 26 января 1859 года ходил с депешами в Грецию и обратно, затем был связан между портами — Неаполь, Рагуза и Палермо. С 16 марта по 24 апреля ремонтировался в доке в Неаполе. После этого Майкова на нем уже не было.

¹⁶ *Языков Д. Д.* Жизнь и труды А. Н. Майкова // *Русский вестник.* 1897. № 12. С. 252. Под Архипелагом подразумеваются острова Греческого архипелага в Эгейском море.

¹⁷ *Русские писатели 1800–1917.* М., 1994. Т. 3. С. 456.

и систематически изучал греческий язык. Также он переживал за родителей, оставшихся в Петербурге, с нетерпением ждал встреч с семьей, путешествовавшей по Европе, и переписывался с М. Ф. Штакеншнейдер.¹⁸

Письма Гончарова и архивные разыскания помогают показать этот период жизни Майкова более детально.¹⁹

Итак, 5 августа Майков отбыл. В составе экипажа «Баяна» он числился, согласно первому рапорту командира корвета управляющему морским министерством (от 20 августа из Копенгагена), как «литератор коллежский советник Майков» в числе лиц, которые «обязанности исполняют по своему званию».²⁰ В последующих рапортах эта запись была дополнена только именем — Аполлон. Кроме этого повторяющегося текста, вплоть до самого конца пребывания поэта на корабле в рапортах о нем ничего не говорится.

Поэт сначала был настроен бодро. 17 августа он написал родителям о походе по Балтийскому морю до Плимута. Это текст в духе гончаровских очерков. Описаны некоторые спутники, море, ловля акулы, шторм и мучения из-за качки, норвежская шхера и городок Арендаль в ней; также в письме выразилась тревога за жену и детей, которые отправились в путешествие на корабле «Владимир», чтобы в Европе встретиться с Майковым в разных городах, и попали в тот же шторм. При подходе к Плимуту Майков видел крушение двух лодок, на которых местные лоцманы попытались обогнать друг друга, чтобы получить возможность вести «Баян» в английских водах, столкнулись с кораблем и попадали в воду.²¹

Приведем для примера эпизод ловли акулы: «На дороге же из Копенгагена подуло свежо, так что, пройдя Зунд, мы, опасаясь сильного волнения в Скагерраке, бросили якорь близ Ютландского берега, местечко Скаген, — и тут я тотчас хватился за удочки. Оказалось 15 сажен глубины. Я связал две свои удочки, да еще у гардемарина взял, и наконец еще веревку и пустил на дно. Клюет, т<o> е<сть> из рук дергает. Начинаю потихоньку выбирать 15 сажен; чем выше вывожу, тем сердитее. Наконец в зеленой глубине начинает являться перламутровое нечто, белеет, белеет и оказывается рыба в аршин величиною, выплывающая белым брюхом вперед. Я кричу „ведро, ведро!“ Сбежались смотреть — офицеры, — матросы, говорят позвать Разгулова, он архангельский — а я держу рыбу на поверхности, боюсь тащить, ибо высоко, так чтобы не сорвалась, удочки-то мои не для моря, тоненькие и крючки маленькие. Притащили ведро, явился Разгулов, но рыба в ведро нейдет, вырывается. Между тем подходит лоцман, датчанин, которого наняли вести нас до Портсмута, веселый, красный толстый кептен.²² Он поглядел вниз на мою рыбу и говорит — „это акула“ — акулы в Немецком море²³ маленькие, и от больших акул отличаются только ростом. Можете себе представить, что делается с рыболовом *les eaux douces*,²⁴ когда он слышит, что у него на крючке сидит акула! Не ругаясь за себя, я даю удочку Разгулову — на, мол, тащи, ты больше меня знаешь. Он потащил и — трах, оборвалась. Оказалось, что крючок, завязанный узлом на жилке, выскользнул.

Навязав другой крючок, кидаю. Вытаскиваю пресмешную рыбу, с виду похожую на ерша, но вершков 6, с усами и с живописными кругловатыми перьями. Называется *Sporeway*;²⁵ потом попадает пара других, *witling*,²⁶ род пискарей, но величиною одна в 4, другая в 7 вершков. Но вот опятьхватила. Тяжело. Тащу тихо. Посылаю за капи-

¹⁸ Володина Н. В. Майковы. СПб., 2003. С. 234.

¹⁹ Я не рассматриваю здесь сочиненные им за время путешествия стихи и поэму. — А. Р.

²⁰ РГА ВМФ. Ф. 283. Оп. 3. Д. 415. Л. 9 об.

²¹ Эти события (кроме, конечно, тревоги Майкова за семью) отражены в документах. См.: Обзор заграничных плаваний русского военного флота с 1850 по 1868 год. Т. 1. С. 215.

²² От *captain* (англ.) — капитан.

²³ Современное название — Северное море.

²⁴ из пресных вод (*фр.*)

²⁵ Вероятно, один из видов скорпен — морской скорпион (*лат.* *Myoxocephalus scorpius*).

²⁶ По-видимому, путассу (*лат.* *Merlangius merlangus*). Правильное англ. написание — *whitling*.

таном, чтобы ему доставить удовольствие вытащить — опять акула, и опять оборвалась. В третий раз опять взяла, опять по движению подозреваю акулу, и думаю, ну теперь никому не скажу, вытащу сам, и ровно, ровно тяну, не давая ей опомниться — и вдруг ура! Хлопнулась на палубу, и пошла по ней на брюхе бегать серо-голубовато-лиловая акулка в аршин величиною.²⁷ Брюхо белое, и рот как у стерляди, зацепила за средний окуний крючок за кончик губы. Эффект страшный. Но что с ней делать. Лоцман говорит, ее не едят. Узнав это, Разгулов решил — врет! — я ему ее отдал, матросы сварили, но, говорят, горькая была.

Вот Вам, рара, подробное описание первого моего рыболовного подвига на море. Надеюсь, что поимка акулы поставится мне в заслугу в глазах настоящих рыболовов и отымет у них право смеяться надо мною, что ловлю только мелочь. Нет, истинное искусство в том, чтобы уметь ловить все, что представляется, не исключая и мелочь».²⁸

В конце письма Майков попросил: «Пожалуйста, не делайте из моих писем общественного чтения, а то я не буду писать — но берегайте их, это для меня будут памятки».²⁹ То есть можно предположить, что он собирался использовать свои записки так же, как использовал Гончаров.

К последнему он не обращался до апреля 1859 года, что подтверждается ответом писателя от 11 апреля: «Давно бы Вам вспомнить меня на письме, и Вы получили бы не одно известие о том, о другом и о третьем. Ведь я на пароходе, прощаясь, ясно сказал Вам, „что всякий отъезжающий обязан напоминать о себе кругу, из которого выбывает, ибо один всегда нуждается в памяти целого круга“: так я поступал всегда и так обязываю каждого поступать».³⁰

Но Гончаров знал все о передвижениях друга. Вероятно, слова об «общественном чтении» не касались ближайших друзей семьи, поэтому старшие Майковы делились новостями с Гончаровым — хотя, возможно, не всегда давая читать сами письма: «Жалею очень, что Вы не пишете записок вояжа, а надо. Читая теперь Ваше письмо, с этим свободно-играющим настроением, приправленным юмором, мыслью и легким изложением, я с досадой думаю: „Да отчего ж он не пишет так о море, о моряхах, о корвете, о берегах, встречах, о самых этих видах, которые он ругает?“» (В первом письме Майкова родителям — как раз о моряхах, о берегах и встречах.) Но дальше — подтверждение знакомства с текстом какого-то из писем: «Пусть бы писали Вы письма к нам ко всем вдруг или по очереди — и не тратили бы в частных письмах драгоценных замечаний, например вроде описания бегавшего от Вас аббата в Палермо и т. п.».

Кроме того, Гончаров встречался с общими знакомыми, с которыми Майков переписывался, — Я. П. Полонским и М. Ф. Штакеншнейдер. Последняя в большом коллективном письме от 21 сентября 1858 года с продолжениями (кроме нее, части текста принадлежат П. Л. Лаврову, В. Г. Бенедиктову и И. К. Гебгардту) сообщала Майкову 5 октября: «Вчера был у нас Ив. Ал. Гончаров. Он читал нам рассказ о поимке акулы...».³¹

Майков сходил на берег и встречался с женой и детьми, потом снова возвращался на корабль. В дневнике Е. А. Штакеншнейдер сохранился текст письма Майкова к М. Ф. Штакеншнейдер, написанного в первой половине октября: «Мы, наконец, добрались до Рагузы, куда на первый призыв переехала из Триеста и жена моя с детьми. Теперь мы опять на некоторое время вместе, и вот третий день все еще рассказываем друг

²⁷ Это мог бы быть катран (*лат.* *Squalus acanthias*) или некрупная сельдевая акула (*лат.* *Lamna nasus*) как единственно возможные в этих водах. Однако оба вида съедобны, их мясо считается вкусным.

²⁸ ИРЛИ. 17020. Л. 30–32. Тексты писем, хранящиеся в этом деле, представляют собой копии неизвестной рукой. Оригиналы на момент сдачи статьи в печать не обнаружены.

²⁹ Там же. Л. 35.

³⁰ Здесь и далее это письмо цит. по: Лит. наследство. 2000. Т. 102. И. А. Гончаров: Новые материалы и исследования. С. 358–361. Письмо Майкова Гончарову неизвестно.

³¹ ИРЛИ. 16980. Л. 4 об. Это эпизод из главы VI «Фрегата „Паллада“» — «От Манилы до берегов Сибири». Гончаров первоначально опубликовал ее в 1855 году под названием «Заметки на пути от Манилы до берегов Сибири: (С 27 февр. по 22 мая 1854 г.)» (Морской сборник. 1855. Т. 16. № 5. С. 53–121).

другу то, что прожили розно».³² 5 ноября Гончаров в письме к Льховскому упомянул, что «Аполлон в Ницце соединился с Анной Ив<ановной>».³³ Корвет «Баян» делал остановки по маршруту во многих европейских портах — при Майкове он совершил 18 переходов, не считая промежуточных стоянок.³⁴ В Лондоне (во время стоянки «Баяна» в Портсмуте в августе 1858 года) Майков встретился с Льховским и ездил с ним в Париж.³⁵ Так продолжалось до самого конца путешествия, после чего 20 мая 1859 года Гончаров сообщил Льховскому: «Аполлон, кажется, удрал с корвета под предлогом болезни, и, соединясь в Дрездене с Анной Ивановной — приедут сюда. Он говорит, что написал одну дрянную статью о Неаполе...». Но еще 11 апреля Гончаров спрашивал Майкова: «А куда к Вам писать: ведь Вы теперь на вулкане — и буквально³⁶ и фигурально». Это значит, что Майков известил его об обстоятельствах, вынудивших его окончательно сойти на берег.

Что это были за обстоятельства? Они прослеживаются по письмам Майкова к родителям.

Отсутствие взаимопонимания с командиром корабля Истоминым обнаружилось вскоре после начала путешествия. Если в цитированном выше отрывке от 17 августа Майков писал о том, как предложил капитану самому вытащить акулу (отметим наивность этого жеста, когда сухопутный рыбак, как он думает, оказывает уважение матросу морскому волку), то уже в сентябрьском письме тон изменился: «Офицеры корвета меня полюбили, и я их тоже. С капитаном мне труднее сойтись. Он человек старого века, старого поколения моряков, и все жалеют о прежнем командире. Я не ожидаю, чтобы наше путешествие было интересно. Он не понимает, что для этого нужно; берег его не интересует, разве только трактиры и девки, тогда как весь интерес плаванья — есть берега, народы, на них живущие. Другое главное лицо на корабле есть старший офицер.³⁷ Этот, напр<имер>, на днях (без меня) велел из кают-компании покидать за борт все книги. Обоих этих лиц я очень стесняю своим присутствием, и они стараются показаться мне в лучшем свете, но, вероятно, не любят от души. Совершенно противоположность этих остатков старины представляет молодежь, с весьма хорошими задатками для более серьезного развития».³⁸

Встреча с великим князем Константином Николаевичем на середине путешествия подбодрила его. В дневнике великого князя появилась запись: «26 ноября . <...> За завтраком сидел у меня поэт Майков, который сидит на „Баяне“ и в восхищении от него. Он читал чудные отрывки из его новой поэмы „Сны“». Я ему рассказывал „das Marchen von den sieben Katern“».³⁹ 29 ноября Майков писал родителям: «Я здесь читал ее <поэму «Сны»> Константину Николаевичу — я и забыл Вам сказать, что я был у него и беседовал с ним полтора часа <...>. В<еликий> к<нязь> расспрашивал меня об Баяне, о море, об офицерах, об житье-бытье моем на корвете, и я рассказал ему как офицеры меня полюбили, лелеют и балуют меня. Рассказал, что у нас бывают литературные беседы и чтения по каютам,⁴⁰ и сказал, что иначе не могу благодарить их за это, как рассказывая об этом всем и каждому, и очень рад, что могу сказать и ему, что я рад этому тем более, что не принимаю их расположения на свой счет, а приписываю их

³² Штакенишнейдер Е. А. Дневник и записки. С. 242 (запись от 3 ноября 1859 года).

³³ Гончаров И. А. Собр. соч.: В 8 т. М., 1980. Т. 8. С. 254.

³⁴ Обзор заграничных плаваний русского военного флота с 1850 по 1868 год. Т. 1. С. 215–218.

³⁵ ИРЛИ. 17020. Л. 40.

³⁶ Майков писал Гончарову из Неаполя, где жил во время ремонта «Баяна» в доке. В это время поэт не числился в экипаже корвета (РГА ВМФ. Ф. 283. Оп. 3. Д. 415. Л. 113 об.).

³⁷ Лейтенант Адольф Иванович Энквист (?–1871).

³⁸ ИРЛИ. 17020. Л. 39, 40. Вспомним, что в путешествии на «Палладе» Гончаров пользовался библиотекой адмирала Путятина: «Адмирал не может видеть праздного человека; чуть увидит кого-нибудь без дела, — сейчас что-нибудь и предложит: то бумагу написать <...> кому посоветует прочесть какую-нибудь книгу; сам даже возьмет на себя труд выбрать ее в своей библиотеке и укажет, что прочесть или перевести из нее» (Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 2. С. 372).

³⁹ Дневники великого князя Константина Николаевича. 1858–1864. М., 2019. С. 19 (сер. «Бумаги дома Романовых»). «Das Marchen von den sieben Katern» — «сказка о семи котях» (нем.).

⁴⁰ Возможно, результат вышеупомянутого выкидывания книг из кают-компании за борт.

любви к русской литературе, которой я живой представитель между ними. В <еликий> к <нязь> ужасно был доволен таким направлением кают-компаний».⁴¹

Однако в последующих письмах возвращается недовольство обстоятельствами плавания. Отсутствие возможности побывать там, где хочется, очень тяготило Майкова. Он как будто не полностью осознавал, где находится. «Баян» был военным кораблем, и замечание о капитане «берег его не интересует» прежде всего совершенно не отвечало тому факту, что капитан выполнял приказы генерал-адмирала. Путешествие имело совсем не тот характер, какой представлялся поэту. Он, по-видимому, не вник в курс на капитальную реорганизацию флота, взятый управляющим морским министерством великим князем Константином Николаевичем: «При деятельной постройке винтовых судов, Морское министерство употребило все усилия, чтобы посылать возможно большее число офицеров и нижних чинов в дальние, продолжительные плаванья, как лучшее средство для образования опытных моряков».⁴²

В Греции корвет пробыл недолго, имея задание доставлять депеши великого князя в разные пункты. По возвращении в итальянские воды Майков писал 22 января 1859 года: «Я с нетерпением буду ждать, когда опять вернусь в Грецию, да и останусь здесь до конца моего срока и, наплевав на корвет, буду странствовать по Греции и, вероятно, буду возвращаться сухим путем к Вам, подхватив жену в Дрездене. Дай Бог, чтобы этот план удался, тогда я хоть что-нибудь вынесу из путешествия, ибо нелепее плаванья вдоль берегов ничего не может быть».⁴³ И позже, 14 февраля: «Сказать Вам как я скучаю — не могу придумать достаточно сильной фразы. Такой глупости, какую я сделал, отправясь с военным судном странствовать, — не желаю и не советую никому делать, разве врагу, если бы у меня таковой был». И далее: «Я и не воображал, что может быть такая мука на свете — не жить в России».⁴⁴

Майков твердо решил сойти с корабля. Надежд на то, что «Баян» отправится в Архипелаг, не было.⁴⁵ Жизнь «на волкане» конфликта с капитаном утомила его. 6 мая 1859 года он написал родителям последнее письмо из поездки на «Баяне»: «...я жив, здоров и весел, ибо замыслил наконец бегство с эскадры, которое скоро и учиню, прибегши к болезни и пр. Уведомлю, как это все удастся. <...> Нет, вперед посоветую всем литераторам, которые поедут по вызовам Морского министерства, смотреть, в какой круг попадают, и главное, каков командир. <...> вся порядочная молодежь целой эскадры нашей удивляется, как можно было выдумать посадить на одно судно Истомина и поэта! Надеюсь скоро увидеть Вас, верно прежде срока».⁴⁶ Не совсем ясно, почему Майков писал это 6 мая, потому что рапорт капитана Истомина от 5 мая 1859 года о том, что «Баян» вышел в море из гавани Марселя для следования в Яффу, гласит, что Майков «оставлен за болезнью при бреге».⁴⁷ Тем не менее вопрос был решен так, как хотел поэт.

Гончаров уговаривал Майкова 11 апреля 1859 года: «Так жаждут у нас путешествий! Помните, что моя „Паллада“ — уже напечатанная по журналам — почти вся разошлась! Пишите же — и скорей; схваченные наблюдения тотчас записывайте, а то простынут, и тут обделывайте путевую записку из всякой стоянки, даже двухдневной! А говорить об Италии, о Греции — всё это не цель такого путешествия! Море и берега — Ваша поэма, а прочее — роскошь». Но Майков ничего не напечатал.

⁴¹ ИРЛИ. 17020. Л. 42.

⁴² Обзор заграничных плаваний русского военного флота с 1850 по 1868 год. Т. 1. С. 3.

⁴³ ИРЛИ. 17020. Л. 45.

⁴⁴ Там же. Л. 46, 47.

⁴⁵ 7 января корвет по приказу великого князя вышел из Палермо в Пирей, куда прибыл 18 января. По пути он зашел на остров Авило <так в документе. — А. Р.>, чтобы взять четырех лоцманов для плавания судов эскадры в Греческом архипелаге, 21 января вышел из Пирея и 26 января был уже в Палермо (РГА ВМФ. Ф. 283. Оп. 3. Д. 415. Л. 102 об.). Это все пункты Греции, которые увидел Майков. Надежд у него не осталось, дальнейших распоряжений великого князя он предвидеть не мог. По иронии судьбы, впоследствии «Баян» все же, правда ненадолго, побывал в желанном Майкову Архипелаге — на островах Родос и Хиос — и прошел через Дарданеллы (Обзор заграничных плаваний русского военного флота с 1850 по 1868 год. Т. 1. С. 218).

⁴⁶ ИРЛИ. 17020. Л. 51.

⁴⁷ РГА ВМФ. Ф. 283. Оп. 3. Д. 415. Л. 125.